

ПРОЛОГ

Он не позволял себе думать, что давно заблудился. Это вредоносная, ядовитая мысль, которая способна парализовать, лишит возможности двигаться и соображать.

А двигаться надо. Нельзя стоять на месте: кто-то умный сказал, что движение — это жизнь.

«Но что, если ты всего лишь бестолково кружишь по лесу, всякий раз возвращаясь на то место, где был пару часов назад?»

Он постарался отогнать и это опасное предположение. Невозможно, так ведь? Он всегда шел по прямой, двигаясь на запад, в сторону деревни. Значит, рано или поздно лес должен закончиться.

«Будь Липница в той стороне, это давно случилось бы», — заметил скептик в его голове.

Хватит. Хватит!

Да, поначалу он запаниковал. А кто на его месте не впал бы в ужас, увидев *такое*? После того, что предстало его взору в заброшенном поселке, немудрено, что он бросился прочь оттуда, не разбирая дороги, и повернул не в ту сторону. Но ведь потом постарался успокоиться, пошел в нужном направлении.

АЛЬБИНА НУРИ

«Ты уверен, что верно сориентировался и это был действительно правильный путь?»

Недавно прошел сильный дождь, и ноги вязли в земле, в куче мокрых грязных листьев и шишек, слипшихся в кашу. С веток то и дело срывались хрустальные капли, брызги падали на лицо, а иной раз, когда заросли были особенно густыми, за шиворот проливались широкие потоки холодной дождевой воды.

Идти было тяжело, и с каждым шагом становилось все тяжелее. Тело ныло и болело, он устал и постоянно царапался о шипастые кусты, спотыкался о корни растений, трухлявые пни и почерневшие стволы упавших деревьев — словно что-то пыталось удержать его, сбить с ног, тянуло руки со всех сторон и из-под земли. Поначалу он злился и чертыхался, колотил по ветвям, преграждавшим ему путь, топтал хилые поганки, но потом настолько вымотался, что перестал реагировать, просто старался не упасть.

«Лес вот-вот кончится, — твердил он, как молитву, — я выберусь! Не мог уйти далеко».

Но лес стоял темной стеной. Не было никаких примет, знаков, указывающих на то, что он скоро кончится. Всюду виднелось лишь бесконечное однообразие набухших от сырости кустов и деревьев.

Он шел, опустив голову, распихивая ладонями и локтями жесткие колючие ветки деревьев, хлеставшие, ранящие его. Ветви трещали под ногами, и звук напоминал хруст костей. Это пугало,

Гиблые земли

заставляло съеживаться, особенно если прибавить все чаще появляющееся ощущение чужого присутствия. Разум говорил, что в чаще нет никого, кроме него, но чувства нашептывали, что это ложь.

Чьи-то глаза наблюдали за ним, голоса шептали в кронах, злая воля не давала выбраться отсюда, уводя глубже в лес, все дальше от человеческого жилья...

Иногда казалось, что впереди показался просвет, лес расступился и явил ему открытое пространство. Поверив, он устремлялся вперед, ломился сквозь ветки, как казалось. Но вскоре понимал, что заросли не становятся реже. Иллюзия. Обман.

Наручные часы показывали пять часов вечера. Сотовый телефон он выронил где-то, потерял, когда фотографировал дома в поселке. До того, как увидел, *что* они скрывают.

«Кто сумеет помочь? Кто спасет?»

Что за жалкий вопрос! Сформулировав его, он почувствовал себя слабым и ничтожным. Внезапно накативший страх был таким сильным, что он не мог сдвинуться с места. Стоял и ждал, что из леса выскочит нечто жуткое, накинется на него и разорвет. И это будет... Нет-нет, не нужно думать об этом. Перебороть себя и идти дальше, прочь из чащи — только так можно выжить. Он стиснул зубы и ринулся вперед, преодолевая судороги в измученных мышцах. Убегая из поселка, он подвернул ногу, и теперь постоянно грызла боль, но он послал ее к черту. Нельзя сдаваться!

АЛЬБИНА НУРИ

Горло горело, хотелось пить, но пластиковая бутылка с водой давно опустела. Он взял с собой лишь одну, а из еды — пару яблок, шоколадку и бутерброды. Припасов катастрофически мало, но ведь он рассчитывал вернуться уже к вечеру.

Есть пока не хотелось, но жажда усиливалась с каждым шагом. Что за ирония! Это лес буквально сочился влагой, но не пить же из лужи!

Однако через два часа он опустился на четвереньки и принялся лакать мутную воду, которая собралась в маленькой ямке, — после того как понял, что невозможно утолить жажду, слизывая капли с листьев.

На зубах скрипели песчинки, вода отдавала гнилью, но все равно стало легче. Стараясь не думать, сколько микробов было в каждой глотке, он встал на ноги и побрел дальше.

Скоро стемнеет, наверное. В этом лесу и днем-то было темно, плотный полог листвы почти не пропускал солнечный свет, а уж ночью...

«Интересно, водятся ли здесь дикие звери? Кабаны, медведи, рыси?»

Он понятия не имел. Скажи ему кто-то еще вчера, что он будет бояться хищников, живущих в этом лесу, он бы расхохотался ему в лицо.

Это же не глухая сибирская тайга! От Быстро-реца — немногим больше часа езды на машине до Липницы, а от этой деревни — рукой подать до заброшенного поселка. Как он умудрился заплутать,

Гиблые земли

непонятно. Но еще непонятнее, почему здешние места такие дикие, нехоженые...

Если он сядет под одним из этих деревьев, закрывающих небо, и больше не двинется с места, найдут ли когда-нибудь его тело? Он ясно представил, как сквозь него прорастают кусты, крапива, ползучие травы, кости обглаживают животные, насекомые кишат в его плоти, догнивают кроссовки, одежда и рюкзак — и вот уже ничего от него не осталось, только желто-бурый череп, скалящийся безумной улыбкой.

А те создания, что брели за ним, выглядели из-за стволов, нашептывали, хихикали, заманивали в чашу, выйдут из укрытий и спляшут от радости на его останках.

«Уймись! Нет тут никого! И ты не умрешь, проживешь еще!»

Поднявшись, он поковылял дальше. Казалось, идет по тоннелю, лишь кое-где проглядывали кривые ломти потемневшего от дождя неба. Неба, которое совсем скоро, точно ватное одеяло, впитает в себя жалкие крупички солнечного света.

Неужели придется ночевать тут — улечься на мокрые листья и хвою, свернуться калачиком, чувствуя, как стылая земля вытягивает, выпивает из измочаленного тела остатки тепла?

Может, стоит подумать о том, чтобы развести костер? Плестись по лесу ночью означает заблудиться, это же ясно.

«Ты уже заблудился!»

АЛЬБИНА НУРИ

«Хорошо, — нервно ответил он себе, — это означает заблудиться окончательно, безо всякой надежды выбраться».

Итак, он разожжет костер, обогреется, поест, отдохнет, поспит, а утром двинется дальше. Перед этим влезет на дерево, посмотрит, в какую сторону идти. Впрочем, и лезть не придется — достаточно выяснить, с какой стороны взойдет солнце, и направиться в противоположную, ведь ему же надо на запад, он точно это знает.

Удалось немного приободриться: всегда полезно планировать, это дает ощущение, что ты владеешь ситуацией (даже если это не так).

Но планы полетели в тартарары, потому что лес внезапно оборвался, словно дав ему пинок под зад и выбросив на поляну — широкую, заросшую высокой травой, доходившей ему почти до колен.

На поляне стояли три дома, и при взгляде на них ему остро захотелось развернуться и броситься обратно в чашу неприятного леса. Но ноги не шли, он стоял и смотрел на провалы окон, покосившиеся стены, криво висящие двери.

«Что-то привело меня сюда, — вяло, сонно, словно теряя сознание, подумал он. — То, у чего есть на меня планы».

Он смотрел на лесные дома.

А дома смотрели на него.

И он точно знал, что ничем хорошим это не кончится.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДО ТОГО, КАК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Привет, кузина Кэт, — произнес он с небрежной, ленивой улыбочкой, и Катя сразу поняла: все лето насмарку, не ужиться им с этим пижоном.

— Еще раз назовешь меня так, в лоб получишь, — тихо, чтобы мама не слышала, проговорила Катя.

Роман ухмыльнулся и ничего не ответил.

Кате пятнадцать, Роману скоро семнадцать исполнится, хотя на вид не старше ее: высокий, но щуплый, худой.

Мама, узнав о приезде племянника, тоже, кажется, не сильно обрадовалась, но виду не подавала и сказала:

— Роман — твой брат, постарайся с ним поладить. — Подумала, чем подкрепить свои слова, и выдала: — Вы в детстве любили играть вместе.

Ага, как же, подумалось Кате, любили! И когда только успели?

Двоюродные брат и сестра виделись всего несколько раз в жизни, и то давным-давно. Их

АЛЬБИНА НУРИ

матери были сестрами, родились и росли в Липнице, а после школы жизнь, как говорится, развела. Старшая, мать Романа, рано вышла замуж и уехала в Быстрорецк, а младшая, Зинаида, мама Кати, застряла тут, в деревне. После смерти родителей так и осталась в их доме.

Катя помнила, как они с мамой, приезжая в Быстрорецк, несколько раз пересекались с тетей Зоей, дядей Сережей и Ромой, но все как-то на бегу, между делом. Дядя Сережа занимался бизнесом, семья перебралась в Москву, несколько лет сестры не встречались, лишь созванивались изредка. Затем последовало возвращение в Быстрорецк, покупка новой шикарной квартиры и строительство загородного дома... Их жизнь кипела и расцветала яркими красками, пока Катя с мамой барахтались в вязких и тягучих, как сгущенное молоко, деревенских буднях.

А примерно четыре года назад тетя Зоя внезапно умерла. Мама ездила на похороны, Катю с собой не брала. Вернулась растерянная, с посеренным лицом, часто плакала, с дочерью ничего не обсуждала (Катя так толком и не поняла, что стряслось с теткой). Дядя Сережа скорбел недолго, вскоре снова женился и опять стал отцом: у него родился еще один мальчик. С сестрой и племянницей жены Сергей и прежде виделся нечасто, а после смерти Зои общение и вовсе сошло на нет.

Гиблые земли

Пока в последних числах мая не раздался звонок.

— Рома к нам приедет десятого июня, — проговорила мама с таким видом, точно сама не верила своим словам. — Поживет до сентября.

— Как так — поживет? Прямо тут, в нашем доме? Все лето? — опешила Катя.

— Да, — односложно ответила мама сразу на все вопросы. Помолчала немного и прибавила: — У него со школой какие-то проблемы, он их решит и приедет. Сережа сказал, они с женой и младшим скоро в Прагу едут. А Романа к нам. Деньги, говорит, на него присылать будет. Автобусом отправит, а в конце августа приедет и заберет.

«Как посылку, — фыркнула про себя Катя, — отправит, заберет».

— А где он спать будет? — спросила она уже вслух.

Дом у них был не сказать что крошечный, но давно приспособленный к ним двоим: комната, традиционно именуемая залой, была в самом деле большой, и Катя в основном проводила время тут. Еще имелись кухня и две маленькие комнаты — ее и мамина (раньше в ней спали бабушка с дедушкой).

— Мы его в твоей комнате поселим. Вместе с тобой пока поспим, ничего страшного, да, Катя?

Здрате пожалуйста! Значит, Ромочка ее еще и из собственной комнаты выселит!

АЛЬБИНА НУРИ

Спустя неделю незванный гость заявился: крутые шмотки, рваные пряди светлых волос, кривая ухмылочка, насмешливый тон и оценивающий взгляд. Катя остро почувствовала собственную неказистость, заурядность и...

И бедность, что уж скрывать. Мама работала медсестрой в поликлинике, в райцентре Константиновка, Катя там же училась в школе; обе ездили туда на древнем, рычащем и кашляющем автобусе. Дальше Быстрорецка нигде не бывали, если не считать единственной поездки в Санкт-Петербург. Дорогие покупки, изысканная еда, поездки за границу, навороченные автомобили — все это к Кате и ее маме никакого отношения не имело. Разные миры, непересекающиеся прямые.

Прежде Катя об этом и не задумывалась, но тут ей вдруг стало стыдно, она почувствовала себя бедной родственницей, будто в чем-то перед двоюродным братом виноватой.

Она рассердилась на себя. Что за глупости, готовность униженно признать превосходство другого человека?!

Этот Рома вообще не имеет никакого права задаваться: она отличница, на медаль идет, а когда окончит школу, поступит в университет и тоже будет жить в Быстрорецке. Или в Москве.

А любезный братец, судя по всему, учиться не желает (недаром же проблемы у него). Видать, бездельник и хулиган. Даже родного отца настолько

Гиблые земли

достал, что тот его (вместо того, чтобы в Прагу взять) отослал «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Ну, почти.

На ужин мама пожарила котлеты, капусту квашеную из погребца подняла; Катя отварила картошку. Простая деревенская еда.

«Рома-то небось привык ко всяким мудреным блюдам, — думала Катя, расставляя на столе тарелки. — Станет нос воротить, я ему все выскажу!»

Но высказывать не пришлось.

— Вы в котлеты чеснок добавляете, да? — спросил гость, уплетая за обе щеки и хрустя капустным листом. — Мне нравится. Мама тоже так делала.

Катина мама отложила вилку и посмотрела на племянника, будто что-то для себя решая. Совсем простая на вид женщина, не слишком разговорчивая, вечно занятая работой и домом. Но Катя знала, что мама — вовсе не ограниченная, замотанная бытом тетенька. Она была мудрой, ее суждения отличались точностью, а характеристики — меткостью. Катя всегда доверяла ее мнению. Кроме того, у матери было нежное сердце, хотя внешне это не особенно проявлялось.

Насмотревшись на Рому, мама проговорила:

— Это меня Зоя научила. Говорила, так пикантнее. Хотя в чесноке какая пикантность? — Она улыбнулась. — Ты не волнуйся, тут у нас неплохо. Сад, клубника скоро пойдет, вишни, яблоки. Лето

АЛЬБИНА НУРИ

быстро пролетит, не успеешь заскучать. А может, тебе еще и понравится.

Роман внимательно поглядел на тетю и тоже улыбнулся. Катя в этот момент подумала, что они очень похожи: разрез глаз, форма губ, подбородки. Сама она, как говорила мать, пошла в отца.

Пообщавшись с Романом в первый вечер, мама, видимо, решила, что племянник — парень неплохой, приняла его и стала вести себя так, словно он всегда здесь жил. Не сюсюкалась, не задавала вопросов (на которые Рома не захотел бы отвечать), могла отчитать, что комнату не прибрал. Она работала посменно, постоянно брала подработку, дома бывала редко, предоставляя дочери и племяннику хозяйничать самостоятельно.

Катя и Роман так быстро сродниться не смогли. Катя думала, что со стороны они, наверное, напоминали двух котов, оказавшихся на одной территории: приглядывались, принюхивались, то распушая хвосты, то задирая наподобие антенн, фыркали и ходили кругами, не сближаясь, но и не убегая.

Собственно, бежать-то некуда.

Роман не искал Катиного общества: сидел то в ее бывшей комнате, уткнувшись в мобильник, то в саду, облюбовав местечко под вишнями. Иногда делал что-то по дому или в огороде (по просьбе тети Зины), но за пределы их скромных владений не выходил.

Гиблые земли

Пересекались брат с сестрой в основном на кухне, и Роман всегда вел себя вежливо, но сухо и отстраненно. Судя по тому, как фамильярно он обратился к ней в первый момент, Катя думала, что братец продолжит задирать ее, насмехаться. Однако он предпочитал делать вид, что Кати и вовсе не существует, обращаясь к ней только в случае необходимости, когда без этого было не обойтись.

Постепенно Катя стала привыкать к присутствию в доме постороннего человека (не совсем постороннего, родственника, но все же). Готовила еду, делала уборку, полола огород, читала, в Интернете копалась, ходила с лучшей (и единственной) подружкой Лорой на Белое озеро, что неподалеку от деревни. Потом Лора уехала в санаторий с родителями, а других подруг у Кати не было, так что она тоже плотно осела дома. В этом они с Романом были похожи: не слишком коммуникабельные, душой компании не назовешь.

Один раз Катя, увидев брата сидящим на излюбленном месте в саду, хотела окликнуть его, позвать на озеро или просто поговорить. Ей пришло в голову, что ему, наверное, одиноко и грустно: он смотрел куда-то в угол сада, лицо у него было печальное и какое-то... хрупкое. Как будто еще немного — и расплечется.

Катя уже открыла рот, чтобы окликнуть его, но тут Роман взял телефон, поднес к глазам и стал во-

АЛЬБИНА НУРИ

зить пальцем по экрану. Тогда-то Катя и заметила, что у него в ушах наушники.

Да уж, хороша она была бы, принявшись тащить его на озеро! Он бы одарил младшую сестру взглядом, от которого лужи льдом покрываются, и вежливо проговорил, что занят, ему есть, чем себя развлечь, спасибо, а она осталась бы стоять дура душой.

Больше попыток сблизиться Катя не предпринимала, Роман тем более. У них выработалась негласная договоренность: пока один находится в доме, другой — в саду, и наоборот. Вместе в помещении было как-то неловко, хотя и неясно, почему: каждый же в своем углу.

Прошла неделя, затем еще одна. В конце июня зарядили дожди. Из дому не вылезешь, мокнуть в саду никому не хотелось. Мама часто работала за себя и коллегу, которая ушла в отпуск, дома появлялась набегами.

В понедельник ближе к вечеру Катя пришла на кухню и, открыв холодильник, принялась задумчиво изучать содержимое полок. Мама придет поздно, нужно что-то приготовить на ужин. Сварить суп с фрикадельками проще всего, но его не хочется. Окорочка куриные, может, пожарить?

— Хочешь, оладьи сделаю?

Катя обернулась и увидела стоявшего в дверях Рому. На нем были черные джинсы и синяя футболка. Никакого смартфона в руках.

Гиблые земли

— А ты готовить умеешь? — недоверчиво спросила она.

Брат пожал плечами.

— Только самые любимые блюда. И не очень сложные. Селедку под шубой могу. Торт «Черный принц». И оладьи. Мама говорила, если что-то нравится, ты должен уметь сам себя этим обеспечить, чтобы не зависеть от воли и желания других людей.

Катя поразмыслила и кивнула: что ж, с этим не поспоришь.

— Селедки соленой у тебя, думаю, нет. Торт как-то не в тему. А вот оладьи — в самый раз.

— Я их люблю, но печь не умею, вечно к сковородке липнут, — призналась Катя.

— Значит, решено?

— Оладушки да блины на солнышко похожи, бабуля так говорила. А сегодня дождливо, солнца не хватает, — вырвалось у Кати прежде, чем она успела сообразить, как по-детски это звучит. Роман засмеет.

Но он не стал смеяться. Нацепил мамин фартук, подошел к посудному шкафу, загремел кастрюлями. Следующий час они посвятили блинам: Рома руководил, Катя была на подхвате.

Роман не соврал: со знанием дела смешал в миске все ингредиенты, ловко переворачивал оладьи на раскаленной сковородке, и получались они ровные, круглобокие — загляденье. На боль-

АЛЬБИНА НУРИ

шой тарелке росла золотистая пирамидка, Катя промазывала желтые кружки кусочком сливочного масла, насаженного на вилку (брат велел, чтобы не слипались).

— Чайник поставь, — скомандовал Роман. — Сгущенка есть? Или варенье?

— Клубничное и малиновое, — отрапортовала Катя.

— Доставай оба.

Около семи часов уселись пить чай.

— Мама придет, удивится, — с довольным видом сказала Катя и поймала себя на мысли, что не испытывает никакой неловкости в обществе брата.

Пока пекли оладьи и потом убирали кухню, говорили только по делу, но все равно процесс их диковинным образом сблизил. Оказывается, чтобы подружиться с кем-то, нужно заняться приготовлением еды! Стоит запомнить.

— А ты, оказывается, ничего, — заметила Катя. — Прикольный.

— Ты извини, я вам как снег на голову свалился, — сказал Роман. — Из комнаты тебя выгнал.

— Брось! — махнула рукой Катя. — Живи на здоровье. Я рада, что ты тут.

Сказала — и поняла, что так и есть. Роман улыбнулся.

— Мне у вас нравится. Тетя Зина хорошая, на маму мою похожа. И здесь всяко лучше, чем с... — Он помрачнел, оборвав себя на полуслове.

Гиблые земли

— Слушай, что у тебя за проблемы в школе были? На второй год хотели оставить?

— Нет, — усмехнулся Роман. — Я хорошо учусь. Просто историка ударил.

Фраза прозвучала буднично. Катя ахнула:

— Ударил? За что? Ничего себе «просто»!

— Пощечину ему дал. Не выдержал. Урод он потому что. Над людьми издеваться любит. Девчонку одну постоянно изводил, а она и так затюканная. Мы после урока к нему подошли, работы сдавали. Он начал гадости ей говорить, она заплакала. Я сказал, что нормальные мужчины так себя не ведут. Он вызверился, слово за слово, орать начал, замахнулся на меня... А я раньше среагировал. Вот и пошло-поехало.

— Но ты же не виноват был! — горячо проговорила Катя. — Другие могли подтвердить!

— Кому нужны лишние проблемы? Даже та девчонка смолчала. Ладно, это уже в прошлом, все уладилось. А ты в медицинский собралась поступать?

— Как ты узнал? — поразилась Катя.

— Забыла, что я живу в твоей комнате? У тебя книжек всяких полно по медицине, справочников. Плакат на стене — человеческое сердце в разрезе. Нетипично, знаешь ли!

— Кардиологом хочу быть, — призналась она. — Мама тоже собиралась врачом стать, она очень талантливая. Собиралась после медучили-

АЛЬБИНА НУРИ

ща поступать, но забеременела, я родилась, а потом с папой... — Она метнула на Рому быстрый взгляд: знает или нет? — Потом с папой случилось. И дальше мама уже не стала учиться, работать пошла.

Вопрос про отца повис в воздухе. Роман явно не знал, что с ним случилось, но не спрашивал, за что Катя была ему благодарна. Но, с другой стороны, он же ей про себя все правдиво рассказал.

— Папа умер, когда я была маленькой, — тихо проговорила она.

— Сердечный приступ? — спросил Роман, решив, что сестра по этой причине и хочет стать кардиологом, но Катя отрицательно покачала головой.

— Он покончил с собой. Повесился. — Она качнула головой в сторону окна. — В сарае.

Роман собрался что-то спросить, но Катя не позволила.

— Не спрашивай, почему. И вообще, давай закроем эту тему, хорошо?

Они помолчали, но в этом снова не было напряженности, холода. Рома смотрелся на кухне естественно, Кате было уютно с ним рядом.

— Почему ты запретила звать тебя Кэт? — неожиданно спросил брат. — Тебе идет. Кать много, а Кэт — она такая одна.

Ей это понравилось — и имя, и то, как Рома о ней сказал: она такая одна.

Гиблые земли

— Ладно уж, можешь иногда называть, если хочешь. Только безо всяких «кузин».

— Договорились.

Зинаида, вернувшись с работы в сумерках, посмотрела в окно кухни и увидела идиллическую картину: Катя и Рома сидели за столом, пили чай и болтали. Дочка улыбалась, Роман что-то рассказывал.

«Как славно! Подружились, слава богу, — подумала Зинаида, — а то сидели по углам, как сычи».

Кате нужна компания, а в Липнице почти нет ее ровесников.

«К тому же мальчик — вылитая Зоя в его возрасте. — Сердце отозвалось привычной болью. — Хорошо, что он приехал».

Зинаида, конечно, не могла знать, что приезд племянника окажется важным звеном в цепи дальнейших событий и до погружения их жизни в хаос остаются считанные дни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Мне скучно, — сказала Лизавета. — Я совсем озверела в твоей деревне.

Ян подавил вздох.

— Она не моя, Лизун. Это сама по себе деревня. Вспомни: я ведь предлагал тебе дома остаться, а ты захотела сюда ехать. Но и сейчас не поздно передумать: давай я тебя в Быстрорецк отвезу? Буду на выходные приезжать.

Узнав, что летом муж будет работать далеко от города и там же жить (фирма сняла для него полдома), Лизавета заявила, что одного его не отпустит. Он пробовал отговорить ее от поездки:

— Я с утра до вечера, с понедельника до двух часов субботы буду на стройке. А в субботу вечером могу приезжать домой и...

— Никаких «и», — отрезала Лизавета, пакуя чемоданы. — С чего я должна при живом муже все лето одна в городе торчать? За вами, мужиками, глаз да глаз нужен.

Гиблые земли

К тому же Лизавета ушла с работы, вернее, всех сотрудников уволили, потому что ателье закрылось. Лизавета очень переживала, а потом решила до осени отдохнуть, так что с поездкой в Липницу все сложилось.

Поначалу было прекрасно: дивное озеро, зелень, симпатичный домик, тихие вечера, книги, неспешные прогулки...

Но через пару недель не терпящая однообразия, ничем не занятая Лизавета заскучала по городу. Милые сельские радости ее порядком утомили, о чем она и заявила вернувшемуся с работы мужу.

— Никуда я не поеду, — возмутилась Лизавета. — В городе-то я что стану делать?

— Тебя не поймешь!

— Очень даже поймешь. Ты приходишь с работы и даже не разговариваешь со мной, валяешься в гамаке, как тюлень.

Ян представил себе тюленя в гамаке и хмыкнул.

— Ничего смешного, между прочим. Жене нужно уделять внимание.

С этим Ян не спорил и, как говорится, старался соответствовать: дарил приятные подарочки по поводу и без, культурно развлекал в театрах и на выставках, водил жену в ее любимое кафе.

Они поженились прошлым летом, в августе, и это был брак по большой любви. Их чувства еще не успели утратить свежести, отношения не превратились в рутину. Впрочем, оба были уверены,

АЛЬБИНА НУРИ

что это им не грозит и в будущем. Не каждый же союз вырождается, а истинная любовь не должна умирать из-за мелких ссор и бытовых разногласий.

Лизавета понимала, что не стоит раздувать, упрекать и ныть (тем более повода никакого). Но настроение было неважное, и сдержаться не удалось. Накрывая стол к ужину, Лизавета не поставила тихонько, а почти швырнула на него плетенку с хлебом и блюдо с овощами. Тарелки и вилки обиженно звякнули. Ян решил погасить конфликт в зародыше: подошел к жене, обнял ее, ткнулся носом в шею.

— Не злись. Я тебя очень люблю. Устаю просто как собака. Зато денег заработаю, в сентябре на море поедем.

— До сентября еще дожить надо, — буркнула Лизавета, но по тону уже было понятно, что буря миновала.

Стряпала она отменно, умудрялась из самого обычного набора продуктов приготовить нечто изысканное и обалденно вкусное. Ян не мог оторваться от солянки, хотя не очень жаловал супы.

— Ты прости меня, — сказала Лизавета, — веду себя как сварливая жена из дурацкого сериала: маюсь от безделья и пилю мужа, который старается изо всех сил, деньги зарабатывает, все в семью, все в дом. Я же не такая.

— Я знаю, какая ты, не волнуйся, — ответил он с набитым ртом.

Гиблые земли

— Просто не привыкла бездельничать, — продолжила Лизавета, не слушая его. — Постоянно кажется, будто что-то важное проходит мимо меня.

— Отдыхать тоже нужно уметь, — философски заметил Ян, — вот и учись.

— Я учусь, — вздохнула она, убрала опустевшие тарелки в мойку и стала мыть посуду. — Как на работе дела?

Ян подошел к окну, сел на подоконник и закурил. В доме курить хозяйка запретила, да он и сам не стал бы, к тому же Лизавета не курит. Но во двор выходить с набитым брюхом было лень.

— Как обычно. Пашем.

Их фирма получила заказ на строительство домов в новом коттеджном поселке, который раскинулся на противоположном берегу Белого озера и назывался точно так же.

К октябрю-ноябрю поселок должен начать заселяться: почти все участки были раскуплены. Место хорошее, живописное, коммуникации проведены, Интернет отличный. От города далеко, но у тех, кто планировал тут жить, имелись машины, так что и это не проблема.

— Классическая картина социального расслоения будет: на одном берегу Белого озера — скромная, еле живая деревушка, на другом — богатенькие «буратины» в нарядных домиках, — проговорила Лизавета.

АЛЬБИНА НУРИ

— Не такая уж «еле живая», — возразил Ян, выдувая дым в окошко, — народ активизировался. Кто жильё строителям сдает, кто на стройке работает. А потом будут ездить в поселок уборку делать, траву косить, ремонтировать по мелочи; яйца, овощи, молоко продавать. Так что жизнь закипела — всем хорошо.

Лизавета домыла посуду и тоже уселась на широкий подоконник. Окно кухни, как и спальни, выходило в заросший сад. Хозяйка, баба Лена, которая жила во второй половине дома, в этом году ничего не сажала — хворала. Грядки скрылись под слоем сорняков, кусты черемухи разрослись, ветки многих яблонь были поломаны. Но все же Лизавете нравился сад, она любила бродить по нему и качаться в гамаке, глядя в причудливое зеленое сплетение ветвей над головой.

За стеной что-то громынуло. Супруги прислушались, но больше никаких звуков не последовало.

— Наверное, дверь захлопнулась, — предположил Ян.

Лизавета дернула углом рта. Они с бабой Леной не общались, и это радовало. Куда хуже, если бы старуха от нечего делать постоянно заявлялась под разными предлогами и контролировала, как и что делают жильцы.

— Лизун, я тут подумал... У меня к тебе предложение, — внезапно проговорил Ян.

Гиблые земли

— Неприличное, надеюсь? — усмехнулась Лизавета.

— Это чуть позже. А сейчас я хочу пригласить тебя на выходные в поход.

В голосе Яна звучал неподдельный энтузиазм. Он был увлекающимся человеком: если идея казалась ему стоящей, он брался за ее реализацию со всем пылом. Лизавету эта его черта всегда немного пугала, но вместе с тем очаровывала. Она повернулась к мужу:

— Куда? На озеро? Я там уже каждую травинку знаю. Пока дожди не начались, загорать ходила постоянно.

— Почему на озеро? В лес. За Липницей есть огромный. Места красивейшие, еще и с историей.

— С какой? — спросила Лизавета, почему-то подозревая плохое.

— Расскажу потом. Так ты согласна? Будет круто! Завтра суббота, я постараюсь прийти с работы пораньше. Примерно в час или, в крайнем случае, в два сможем выдвинуться. Заночуем в лесу: костер, романтика, палатка, только мы вдвоем, а? Будем печь в золе картошку, рассказывать друг другу страшилки и любовью под звездами заниматься. Палатку я ставить умею, в юности в походы ходил.

— У нас же ее нет.

— У нас нет, а у Семенова есть. — Это был коллега Яна. — Он запасливый, чего только с собой не притащил. На всякий случай.

АЛЬБИНА НУРИ

— А лесу мокро, наверное, — с сомнением протянула Лизавета, — три дня дождь лил.

— Дождя нет уже со вчерашнего дня, — отмахнулся Ян. Он чувствовал сопротивление жены и испытывал досаду. — Ты сама на скуку жаловалась, вот тебе и развлечение. Чем опять недовольна?

«Правда, чего я раскапризничалась», — подумалось Лизавете.

Человек старается, развлечь ее хочет, а ей опять неладно?

— Уговорил, — сказала она, — значит, завтра в поход!

Они принялись обсуждать, что нужно взять. Ян достал ручку, нашел листок бумаги и составил список необходимого. Почти до полуночи супруги укладывали вещи, то и дело вспоминая, что забыли нечто важное: то влажные салфетки, то спички. Лизавета была уверена, что в итоге они непременно оставят дома то, без чего нельзя обойтись, зато потащат кучу ненужного хлама.

— Жалко, велосипедов нет, — вздохнул Ян.

— А что, Семенов с собой не взял? — язвительно отозвалась Лизавета.

— Ничего, пешком даже лучше. Вернемся в воскресенье, часам к пяти. А если понравится, можем и на следующие выходные махнуть.

Лизавета видела, что муж не на шутку загорелся перспективой похода. Она и сама вроде бы должна радоваться смене обстановки и желанию

Гиблые земли

Яна доставить ей удовольствие, устроить запоминающееся приключение.

Но что-то мешало.

Дурное предчувствие? Так ведь сроду ничего такого не было. И потом, что может случиться? Они взрослые люди, в глушь лезть не собираются, да и какая тут особенная глушь может быть? Не Сибирь все-таки.

Поздно ночью, когда Ян давно спал, Лизавета вертелась с боку на бок, никак не могла устроиться: то подушка казалась слишком мягкой, голова проваливалась в нее, как в яму; то одеяло было слишком горячим, то диванная пружина упиралась в бок.

«Места красивейшие, еще и с историей», — вспомнились ей слова Яна.

«Надо было заставить его рассказать, что за история такая», — подумала Лизавета и покосилась на мужа. Будить сейчас, понятное дело, не вариант, ему вставать в половине шестого.

Молодую женщину не покидала уверенность: знай она эту историю, возможно, отказалась бы от затеи с походом. А теперь уже поздно. Она вздохнула и повернулась на правый бок. Пружины взвизгнули, Ян пробормотал что-то во сне.

Спустя некоторое время Лизавета крепко спала. В окошко заглядывала луна, ветерок перебирал черемуховые ветви, отчего по стене ползли змеевидные черные тени.

АЛЬБИНА НУРИ

...Когда Лизавета уже уплыла в страну сновидений, перестав тревожиться о предстоящем мероприятии, другая женщина, мирно спавшая до этой минуты в другой постели, внезапно проснулась.

Ей приснился кошмар, один из тех, что мучили ее прежде, когда были живы и не успели одряхлеть родители; когда болезнь, затаившаяся в сильном теле любимого мужа, не подняла голову, не оскалила зубы и не отправила его в лучший мир буквально в считанные недели. В те далекие времена муж утешал ее, давал попить водички, гладил по тогда еще густым темным волосам.

Сейчас успокоить старуху было некому, и ужас пережитого во сне разливался по венам, леденя и отравляя тело. Она обхватила себя руками, трясясь и пытаясь слотнуть колючий ком, застрявший в горле.

Самое страшное заключалось даже не в том, что происходило во сне. Хуже всего была причина, по которой старые страхи вернулись.

В Липнице снова станет беспокойно — другого слова старая женщина подобрать не могла. Нынче сюда приехало много чужаков, и в деревне этому радовались: появится поселок, а значит, новые рабочие места и возможности. Никто, кроме старухи, которую уже заждались на другой стороне бытия родные и близкие, не понимал, *что* может произойти.

Чужаки не знают. Не понимают ничего. Они думают, что знают все о жизни, но на самом деле

Гиблые земли

похожи на детей, которые лезут в темную пещеру без фонаря и ножа, не подозревая, что может поджидать внутри.

«Нечего им тут делать, зря они сюда явились. Не стоит будить монстров, пусть себе спят, но им, городским, разве объяснишь?» — думала старуха все эти недели. Но сейчас ясно поняла: ничего не изменить, кто-то уже бросил с вершины горы снежок, и тот покатился вниз, с каждой минутой увеличиваясь, наращивая силу. Совсем скоро он разрастется до гигантских размеров и погребет под собой все живое...

Женщина завздыхала и завозилась, постепенно отогреваясь, приходя в себя. Можно попробовать поверить, что это и вправду всего лишь сон, который не имеет смысла и ничего не предвещает.

Но старуха привыкла быть честной перед собой и людьми. И сейчас она знала: это ложь. Все уже началось, отсчет пошел.

«А ты-то что же? Единственная, кто знает! — строго произнес в голове голос покойного мужа, ушедшего во тьму тридцатисемилетним. — Должна хотя бы попробовать остановить это!»

— Ты прав, — прошептала она. — Я должна, но... — Старая женщина почувствовала, что плачет. — Но это так страшно, а я очень слаба. Лучше уж ты забери меня к себе. Прямо сейчас!

Муж молчал, ничего не сказал ей больше. И с собой не взял. Это было безжалостно с его стороны, но следующее утро для старухи все же наступило.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Роман не умел кататься на велосипеде. Катя, которая гоняла на велике, сколько себя помнила, не могла понять, что здесь сложного: крути себе педали да лети вперед. Но у Ромки не получалось держать равновесие.

— Я научусь, но не за один же день, — виновато сказал он, в очередной раз выбираясь вместе с многострадальным велосипедом из придорожных кустов.

— Ладно, придется пешком идти, — решительно проговорила Катя. — К тому же по лесу все равно не проедешь, а бросать велосипед где попало не годится. Спереть могут.

Насчет похода они решили еще вчера. Идти собрались в субботу утром, когда мама на работу уйдет.

Она точно будет против, поэтому ей ничего не скажут. Вернутся вечером, до ее возвращения, мама и не узнает ни о чем. Мало ли где они днем были? Может, на Белое озеро ходили.

Гиблые земли

С того памятного ужина с блинами брат и сестра сдружились. Зинаида нарадоваться не могла. Дети, прежде чуравшиеся друг друга, теперь охотно проводили время вместе: играли на смартфонах, болтали обо всякой чепухе, шутили, а со среды, как закончились дожди, стали ходить купаться на озеро. Однажды съездили в райцентр, но там Роману не понравилось.

Идея похода пришла Кате в голову, когда они валялись на берегу озера, плаваясь от жары. Озерная вода сверкала, переливалась яркими солнечными бликами и была до странности теплой: заходить ничуть не боязно, все равно что в ванну ложишься.

— Это потому, что дожди прошли, — авторитетно заявила Катя. — После дождя вода всегда теплая!

Они накупались до тошноты и теперь загорали, расстелив на траве старенькое коричневое покрывало. К солнцу подобралась маленькая тучка, обхватила его мохнатыми лапами, и на лицо Кати упала тень. Роман лежал на животе, перебирая травинки.

С противоположного берега озера то и дело долетал рев работающих двигателей, голоса людей — над водой звуки разносятся отлично, к тому же озеро не такое уж большое. Там строили коттеджный поселок, и Катя еще не решила, нравится ей эта идея или нет. С одной стороны, хорошо: сон-

АЛЬБИНА НУРИ

ную тишину Липницы давно пора было нарушить, а с другой — жалко нетронутости, покоя.

Когда что-то ломается, последствия могут быть разные.

— Хорошо у вас. Я думал, каторга будет: глухоту, сестрица мелкая с теткой начнут на пару мозг высверливать. А получилось ничего так. — Он улыбнулся. — Не совсем вы дремучие.

Катя пихнула его локтем в бок и обозвала балбесом.

— Ты на будущее лето тоже приезжай. Если нравится.

Роман помолчал, а потом проговорил:

— Мне поступать надо будет. Не смогу, наверно.

— Куда поступать? — спросила Катя, удивившись, что так и не удосужилась поинтересоваться раньше.

Следом пришла мысль, что она ему о себе все выложила — как сказала бы Лора, нашла свободные уши. А ведь Катя не была болтливой, секреты держала при себе. Просто Ромка был... Она задумалась. Каким? Сразу не скажешь, но было в нем что-то основательное. С такими людьми хочется делиться важным.

А сам Рома больше слушал, чем рассказывал. Даже о том, кем собирается стать, не упомянул.

— Поступать? — тем временем переспросил брат. — Отец считает, мне нужно ехать учиться в Европу.

Гиблые земли

Ничего себе заявочки! Кате почему-то стало грустно.

— А ты сам как считаешь?

Роман нахмурился, пожевал губами и сказал деревянным голосом:

— У меня хороший английский. Учеба за границей — перспективы, будущее. К тому же это научит меня самостоятельности.

Слова были правильные, вот только не Ромкины. У Кати возникло ощущение, что брат недоговаривает, тема ему неприятна. Повисла пауза, которую захотелось срочно заполнить: Катя чувствовала, как она растет, расползается, грозя превратиться в черную дыру.

В голове не пойми с чего всплыла картинка: старинное поместье, высокие толстенные стены и башенки, аккуратная зеленая лужайка, белые щупальца тумана, а кругом — холмы с черным лесом у самого горизонта. Короче говоря, классический замок с привидениями. Вид воображаемого места вызвал вполне ожидаемую ассоциацию, и Катя, не успев ничего обдумать, выпалила:

— Знаешь, не только в какой-нибудь Англии загадочно и круто. У нас места такие... — Она пощелкала пальцами, подбирая подходящее слово. — Мистические. Жуткие, в общем.

Роман сел и поглядел на сестру. На том берегу завизжала электропила (или другой инструмент, издающий зубодробильный звук).

АЛЬБИНА НУРИ

— Ты о чем? — заинтересовался брат. — Все вроде тихо-мирно.

— Это тут, в Липнице, на озере. А в лесу — совсем другое дело. Там такое!

— Какое? Не томи. — Рома слегка усмехнулся, и Катя поняла, что он считает ее слова детскими выдумками. Тоже мне, взрослый! Всего на два года старше, а самомнение!..

Вообще-то про то, что находилось в лесу, Катя говорить не должна. Если бы мама узнала, что она обсуждает такие вещи с Ромой, отругала бы. Никто из местных *этого* в беседах не упоминал, в лес в *ту самую* сторону люди не ходили и в целом предпочитали делать вид, что ничего там нет.

Детям строго-настрого запрещалось приближаться к заброшенной дороге, ведущей *туда*, и все привыкли — нельзя так нельзя. Гиблое место — так его называли, нормальный человек не сунется, стороной обойдет, говорить о таком не станет: ни к чему в свою жизнь *поганое* тащить.

Затронув запретную тему, Катя уже через секунду пожалела об этом, но отступить было поздно.

— Зря я ляпнула. Но раз уж... — Катя тоже села и откашлялась. — Километрах в шести от нас заброшенный поселок есть. Его в советское время построили, после войны. Названия нет, только номер. В-26. Он секретный был или вроде того. Люди, которые там жили, на комбинате работали. Предприятие тоже осталось, закрытое. Старики

Гиблые земли

говорят, когда поселок только-только строить начали, местные знали: добра не жди.

Сама того не заметив, Катя заговорила на манер покойной бабушки или бабы Лены, которую мама просила присматривать за дочкой, пока сама была на работе. Бабушка с дедушкой умерли один за другим, когда Катя пошла в первый класс.

— Почему они так думали? — Рома смотрел серьезно, без улыбки.

Катя приободрилась.

— Точно не знаю. Никто не знает. Одни говорят, там кладбище старое было. Нельзя же мертвых тревожить! Другие думают, что деревня, где жили вогулы — манси. Их прогнали с тех мест, и шаманы проклинали поселенцев. Но как бы то ни было, а только не успели люди поселиться, как началось.

Катя выдержала драматическую паузу.

— Что началось? — не выдержал Роман.

— Жители стали гибнуть. И не просто так — сердце, грипп или авария. В одно прекрасное утро нормальный человек с катушек слетал, с ума сходил и... — Катя запнулась. — ...сам себя убивал.

Роман бросил на сестру сочувственный взгляд, но она не заметила.

— Пропадали многие, исчезали бесследно, никто их найти не мог. Потом страшное преступление совершилось: девочка одна пропала, но на этот раз ее нашли — мертвой. Отец ее считал, что начальник поселковый дочку подкараулил, изна-

АЛЬБИНА НУРИ

силовал и убил. Ему не поверили, дело забуксовало. Тогда отец с горя сам преступника наказал: убил его, жену и детей.

Роман покачал головой: ужас, что и говорить.

— Но и это еще не все. В конце восьмидесятых или в начале девяностых снова случилось массовое убийство, еще больше народу погибло. Тихий бессловесный инженер, и вот втемяшилось ему что-то в голову, мерещиться начало — и он убил семью и соседей. Говорят, человек десять! Или даже двадцать.

— Или тридцать, — сказал Роман.

Увлеченная рассказом Катя не заметила иронии.

— Не знаю сколько. Не важно. Много. После этого люди оттуда разбежались. Уехали кто куда, а предприятие закрыли. С тех пор там никто не живет. Никто туда даже не заглядывает. Бабуля моя... Она тебе, кстати, кто?

Роман почесал переносицу.

— Наверное, двоюродная бабушка.

Катя обдумала его ответ.

— Звучит логично. Так вот, она говорила, что в гиблые места — такие, как тот поселок, — нельзя ходить потому, что они прилипают к человеку. — Девочка замялась, пытаясь сформулировать яснее, чтобы Роман понял. — Люди ушли, но зло, которое их прогнало, осталось. Оно никуда не девается, так и обитает там, звереет, сходит с ума от

Гиблые земли

голода. А если человек туда сунется, оно за ним увяжется, станет таскаться хвостом. Бедолага, конечно, ничего не увидит, не заметит поначалу, но вскоре поймет.

Брат не особенно проникся этими словами, но Кате хотелось, чтобы он осознал, прочувствовал. Поэтому она немного понизила голос и нараспев, как бабушка это обычно произносила, договорила:

— И стоит тот поселок заброшенным уже больше тридцати лет. Никто туда не ходит, не приближается ни днем, ни ночью. А если угораздит кого забрести в те места, он уже никогда не вернется. По ночам в тех краях голоса слышны: плачет кто-то, воеет, стонет...

— Кто же слышит, если никого там не бывает? — перебил Роман.

Она прикусила губу: в самом деле, кто?

— Знаешь, что я думаю? — Он прищурился. — Чушь все это!

— Как это — чушь? — возмутилась Катя. — Поселок точно есть, мне мама говорила. Я к ней прицепилась с вопросами, когда мелкая была. Она врет, по-твоему?

— Почему сразу врет? Есть поселок, кто спорит. Но страшилки выдумали специально, чтобы народ туда не совался, особенно дети. Поселок нежилой, все кругом рушится, стены ветхие. Полезет какой-нибудь дурачок малолетний и свалится, ноги переломает. Или кирпич ему на башню упа-

АЛЬБИНА НУРИ

дет. Кому такое счастье нужно? Вот и придумали от греха подальше.

— Не знаю, — с сомнением отозвалась Катя. — Может, ты и прав.

— Я прав, — заявил Роман. — Но это не отменяет того факта, что там, по-видимому, просто мегакруто. Как в Припяти! Интерьеры советской эпохи, дома, подъезды, квартиры, время застыло... — Он вскочил с одеяла. — Если туда, как ты говоришь, никто не ходит, получается, место не истоптанное. Мы будем первыми, кто там окажется за много лет!

— Кто? Мы? — Кате стало не по себе. Такого она не ожидала и, рассказывая Роме эту историю, не предполагала, что ему вздумается прогуляться в мертвый поселок. — погоди, ты же сам говорил, что там все древнее, еле держится, сунется малолетка — и пиши пропало!

— Так мы не тупые малолетки. — Роман многозначительно приподнял бровь. — Я так точно нет. Насчет тебя не уверен.

— Хватит меня троллить! — притворно надулась Катя. — А вообще ты прав. Я в Липнице всю жизнь живу, а в заброшенном поселке не была.

— Вот и я о том.

— Решено. Маме только не проболтайся, она меня убьет. И тебя заодно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В субботу Ян вернулся с работы пораньше, как и обещал. У Лизаветы все было давно готово, оставалось только отнести вещи в багажник и отправиться в путь.

Они решили доехать до одного местечка в лесу (коллега Яна, живший недалеко отсюда, в райцентре, подсказал направление), оставить машину и дальше двинуться пешком.

По словам все того же местного строителя, если пойти в правильном направлении, километра через четыре увидишь небольшой водопад. Невысокий, конечно, но живописный. Называют его Кузнечиком, потому что он с мелодичным журчанием скачет по камням. А рядом есть поляна, на которой можно поставить палатку.

— Красота же! — радовался Ян. — Будем жарить сосиски, печь картошку и слушать Кузнечика.

Семенов одолжил им свою потрепанную палатку (к счастью, она оказалась двухместной). Еще у него имелись надувная подушка, спаль-

АЛЬБИНА НУРИ

ник и туристическая газовая лампа. Больше ничем полезным он поделиться не мог. Пришлось брать одеяла (не на земле же спать), а если прибавить к этому продукты и прочие мелочи, то рюкзаки получались увесистые. Лизавета гадала, как она станет тащить на своем горбу такую тяжесть. Не ровен час, свалишься, ноги переломашь.

Однако в целом была настроена оптимистично: энтузиазм Яна передался и ей, она горела желанием отыскать Кузнечика и провести подле него много приятных часов.

Автомобиль вырулил за пределы деревни и покатил в сторону леса. Дорога вела в глушь, в противоположную от районного центра и всей цивилизации сторону, делаясь по мере удаления от Липницы все уже, хуже, непроходимее.

Придорожные кусты сжимали дорогу с обеих сторон, а когда машина въехала в лес, ветви деревьев нависали над нею — Яну и Лизавете казалось, что они очутились в тоннеле.

Но какая-никакая, а дорога имелась, и Лизавета спросила, куда она ведет.

Ян, не поворачиваясь к жене, ответил:

— Дальше поселок есть. Заброшенный. В советское время то ли производство какое-то было, то ли добывали что-то, точно не знаю. Потом перестройка началась, многие предприятия закрылись, сама понимаешь. И там тоже все остановилось, ра-

Гиблые земли

боты не стало, поселок опустел, люди ушли. С той поры никто не живет, дорога заросла.

Лизавета была не из тех людей, которых манила романтика заброшек и покинутых мест. Она не понимала, что некоторые находят в том, чтобы лазать по оставленным людьми строениям: на нее саму они наводили жуть. Потом вспомнился недавний разговор, и она спросила:

— Это и есть та история, про которую ты говорил?

— Почти.

— То есть?

Он побарабанил пальцами по рулю.

— Мужики говорили, в начале девяностых, когда поселок еще был обитаемый, один из жителей с катушек слетел и... Кучу народу положил. А когда убийцу стали спрашивать, почему он это сделал, тот отвечал: дескать, это не люди, а чудовища, он должен их перебить, а то они вырвались бы в большой мир. Вроде как голос ему был. Или явление кого-то там.

Лизавета потрясенно уставилась на мужа.

— Янчик, солнце мое, скажи: ты всерьез думал, что этот кошмар покажется мне увлекательным? Приятно будет нервишки пощекотать, послушать это в ночи, сидя возле костра, рядом с местом преступления?

— Перестань, не начинай, пожалуйста! Ничего не рядом. Мы будем совсем в другой стороне.

АЛЬБИНА НУРИ

— Я ненавижу эту оккультную чушь, стивен-кинговские ужасы, ты же прекрасно знаешь! — продолжала кипеть Лизавета.

— Кинг тут с какого боку? Тот чел просто психом был, ясно же. А еще есть версия, что все дело во вредном производстве, в излучении каком-нибудь, от которого у рабочих в голове мутилось. Предприятие, может, потому и закрыли в итоге, что оно наносило вред здоровью людей.

— Час от часу не легче.

— Это же интересно. По меньшей мере нетривиально. У тебя совершенно атрофирован здоровый авантюризм, — грустно сказал Ян.

— Зато у тебя его в избытке. Причем нездорового.

Лизавета уже остыла. Обычные байки, еще и давнишние. Но все же оказаться близ того места не хотелось.

— Мы через поселок должны проехать? — недовольно спросила она.

— Не волнуйся, этого в планах нет. Мне сказали, с правой стороны дороги будет огромное дерево. Мимо не проедем, оно бросается в глаза. Возле него можно оставить машину, а дальше пойти пешком. У меня есть навигатор, уже заданы координаты Кузнечика. Мы спокойненько до него доберемся.

— Как-то все это... — Лизавета не могла объяснить, что, собственно, ее тревожит.